

Нелли Григер

Хромоножка

Сказка

Где-то в пенистом бушующем, впрочем, и довольно равнодушном к окружающему миру океане, на острове с экзотической растительностью жила-была маленькая серая птичка. Она обитала недалеко от пляжа, была сыта и беззаботна, пока от скуки не начала философствовать. Понятное дело, голодный желудок действует, а сытый размышляет: Кто я? Откуда? Почему одна? И к чему всё это приведёт? – извечные вопросы бытия, только на птичьем языке.

Ответ на первый вопрос был ещё довольно-таки прост. Птичка подслушивала разговоры двуногих на пляже и даже кое-что понимала. Некоторые мелкорослые и очень невоспитанные двуножки, завидя её, кричали: «La Paloma!», другие что-то вроде «Eine Taube!», а иногда её называли Хромоножка. Третье имя ей понравилось больше всего, и с тех пор она стала называть себя именно так, когда размышляла или разговаривала сама с собой. «Что, Хромоножка, опять проголодалась?» или «Ну вот, опять ты объелась, проголотище-Хромоножка. Скоро ты будешь такая же толстая, как это белое рыбище в Лоропарке. Вот тогда тебя поймают и запрут в клетке за белым забором, как этих пёстрых птиц, которые за деньги фотографируются с навязчивыми двуногими с обгоревшими носами и плечами.»

С вечно галдящими попугаями и с белым китом птичка познакомилась совсем недавно, проникнув через маленькое отверстие в ограждении

Лоропарка, куда она приплелась пешком, потому что не умела летать. Вернее, ещё никогда не пробовала. Вот такая странная история: голубь (вернее голубка, так как моя героиня самочка) – а летать не умеет. Не на учили в птенчиковом возрасте!

Вспоминалось, как тихонечко сидя с двумя другими птенцами высоко на пальме, в круглом липком гнезде, слепленном из сухой травы и сосновых иголок, она терпеливо чего-то ждала. Это ожидание было утомительным, но она знала, что шевелиться нельзя, иначе случится что-то страшное. Её терпение было почти вознаграждено, когда на краю гнезда приземлилась (правильнее было бы сказать, пригнездилась, но такого слова, к сожалению, нет) большая птица, открыла свой клюв, да так широко, что двое других птенцов смогли целиком засунуть свои головки в глотку матери. То, что это была именно мать, вы, конечно, догадались. Кто бы ещё позволил, чтобы два голодных рта слопали весь собранный за день корм прямо из желудка?! Да с какой жадностью! Хромоножка была самой слабой из этого выводка, и её оттеснили. Она тоже была голодна, но места в горле матери хватило только на этих двух оторвил, которые с удивительной скоростью заглатывали отвратительно пахнущее мессиво, срыгнутое ею. Вскоре мать снова исчезла, а тоска и страх вернулись.

Тогда Хромоножка ещё не знала, что в птичьем

мире каждый сам себе самый ближний, но испытывала какую-то томящую грусть и желание спрятаться в тёплое пушистое оперенье матушки-голубки. Но мать была целый день занята поиском пищи и не находила времени, чтобы приголубить её, как в самом раннем детстве, когда она была ещё страшенькой, липкой и беспомощной малышкой. Странное дело, но матушку совершенно не волновало, что Хромоножка после кормления оставалась голодной и потому слабела с каждым днём. Однажды, когда птенцы особенно разбаловались, они вытолкнули её из гнезда, и она упала, да так неудачно, что сломала ножку. Ну, ничего. Благодаря двуногим, которые вечно бросают на пол что-нибудь съедобное, она осталась жива. Первое время, спрятавшись в кустах, росших под пальмой, она питалась размокшим от дождя хлебом. Сверху доносилось воркование матери и крики ссорящихся брата и сестры. Она всё меньше скучала по ним, но страх высоты у неё так и остался. Свалиться беспомощным слабым птенцом с такой огромной пальмы, ещё не научившись летать, это вам не шуточки. Хромоножке хватило этого страха на всю жизнь, и она решила, что лучше уж оставаться на земле. А когда еда в непосредственной близости, которая, кстати сказать, пахла намного лучше, чем содержимое материнского желудка, закончилась, Хромоножка решила всё-таки сделать несколько разведывательных шагов. И это у неё, хоть и с трудом и не без боли, но получилось. Но ведь

каждый, кому давался такой жизненный опыт, знает, что именно благодаря таким переживаниям, из желторотиков вырастают мудрейшие птицы и умнейшие засранцы, в хорошем смысле этого слова.

Теперь, как уже упоминалось, La Paloma, die Taube, по имени Хромоножка проживала недалеко от пляжа. Когда шёл дождь или палило яркое солнце, она пряталась в расщелине огромного камня вулканического происхождения. Днём она ходила похрамывая вокруг отдыхающих, вечно что-то жующих и оставляющих на песке крошки, и наблюдала за происходящим на пляже, который почти никогда не пустовал. Здесь ей некого было бояться: нахальные чайки, которые с резкими криками носились над океаном, делая вид, что страшно заняты, хоть и раздражали, но были безобидны; трусливые кролики и кошки панически боялись воды и потому никогда не приближались к пляжу; собак держали на поводке, и они, поиграв немного, рано или поздно послушно бежали за хозяевами. Кроме того, все здесь были сыты, а значит, миролюбиво настроены.

Жизнь на острове была хорошо организована и упорядочена двуногими и, в общем-то, прекрасна. Если бы не эти бесконечные раздумья, эта грусть и ностальгия по ... По чему, собственно, она не знала и потому продолжала ломать себе голову. Если борьба за существование отпадает, времени на раздумья более, чем достаточно. «Чего же мне не

хватает?» - спрашивала себя маленькая Хромоножка и не находила ответа, пока её не осенила мысль, что она ужасно одинока. Нет, не то что у неё совсем не было знакомых среди ползающего и прыгающего населения острова, но попадались всё какие-то эгоисты, задавали и воображали. Познакомившись с какой-нибудь залётной птицей, Хромоножка замечала, как её тянет к себе подобным, заводила неприхотливый разговор, курлыкала приветливо, чтобы убедиться в том, что ещё не разучилась общаться и что она такая же, как все, и в этом союзе с пернатыми могла бы найти удовлетворение. Но не тут-то было: её гнали прочь, не желая делиться едой и демонстрируя силу, и улетали восвояси. А она оставалась, так как всё ещё не умела летать, плелась по чёрному раскалённому от солнца песку и чувствовала себя слабенькой и невзрачной замухрышкой.

Пляж, как, впрочем, и вся наша жизнь, был усыпан большими и маленькими камнями. Сдвинуть их с места Хромоножке было не под силу. Но была от них и польза, так как под каждым из них её ожидала какая-нибудь находка: червячок, огрызок от яблока или зёрнышко, если немного подкопать лапкой или засунуть под них поглубже клювик. Она знала, что не пропадёт, как и то, что у неё есть чувство собственного достоинства и она не собирается никому навязывать свою дружбу, завидовать или демонстрировать власть. Да и

кому? Из этого всё равно бы ничего не вышло. Никто не изъявлял желения приносить ей в клюве вертлявых червячков только потому, что она самочка и слабее других. Здесь, на пляже, хватало еды и без подарков. Так что тремя первородными грехами – властолюбием, завистью и алчностью – хромоножка не страдала. А может всё-таки страдала? Если бы предоставился случай? Ведь была же она иногда ужасно прожорлива! Бесстыжим навязчивым воробьям она частенько давала понять, кто здесь сильнее, и разгоняла их стайку. А этой самоуверенной толстушке-голубихе, которая, распутив перья заманивала самцов своим бездарным пением и нелепым пританцовыванием, она, наверное, всё-таки завидовала. Честно говоря, ей бы тоже очень хотелось посидеть и поворковать на веточке в обнимку с большим сильным голубем, спрятавшись в тени огненной акации. А вблизи океан, рокот волн и шипение сползающего в воду песка, на горизонте – восход или закат солнца, неважно, главное, тепло, светло и уютно. Слияние двух душ! Кто в молодости не мечтает об этом? В такие минуты она превращалась в сентиментальную романтическую барышню-голубку. Но ненадолго. Наблюдая за происходящим, Хромоножка вскоре поняла, что эти странные танцульки и это, так называемое, слияние душ для самочек птичьей породы (да и не только птичьей!) хорошо не кончаются. В результате они толстеют и глупеют на глазах, потом кладут яйца, высидывают их в одиночестве, чтобы в завершении всего

целыми неделями выкармливать этих вылупившихся проглотов. Не удивительно, что всё заканчивается отрезвлением, разочарованием и разбитыми чувствами. Осознав это, Хромоножка простила матери её равнодушие к ней. На маленьком острове хорошо работал воробьиный телеграф, и она знала, что её легкомысленная матушка, следуя инстинктам, связалась с новым голубком и строит с ним своё новое гнёздышко, что её брат и сестра подросли и покинули родное гнездо, а отец – да что о нём говорить, если они даже тогда, в детстве, видели его единственный раз в жизни, когда только вылупились из яиц, вернее, почуяли, так как были ещё слепышами. Если всё это принять во внимание, семьи у Хромоножки больше не было.

«Такова жизнь» - думала Хромоножка. «Только вот почему у меня всё по-другому? Где же мои инстинкты? Почему меня отовсюду гонят? Почему меня никто не любит? Что со мной не так?» И вдруг ей стало ясно, что ей ужасно хочется быть как все, покачаться на веточке и поворковать с дружкой, пусть даже недолго, станцевать с ним свадебный танец, построить гнёздышко, высидеть птенцов, а потом... Что будет потом, Хромоножка не знала, и это её беспокоило. «Ах, будь что будет! Главное, чтобы наконец что-нибудь произошло!»

Быть не такой, как все, да ещё и самочкой – это, конечно, не подарок судьбы, а если эта самочка ещё и рассуждающая – это уже целая катастрофа.

Подчиняйся законам природы, слушай своё сердце и ни в чём не сомневайся – вот что бы я хотела подсказать моей маленькой голубке, если бы она меня понимала. Впрочем, этому доморощенному философу–Хромоножке и без моих советов ничего другого не оставалось. Жизнь продолжалась по плану, как её задумал бог: слабых не жаловали, и выживали они только благодаря милости двуногих.

Прошло несколько месяцев, а у неё так и не было ни голубка, ни гнезда, ни потомства, ни смысла в жизни. Но в один прекрасный день в жизни Хромоножки случилось-таки нечто особенное. И это вовсе не для развития сюжета придумано и не для того, чтобы красиво закончить эту сказку. Если долго ждать, то рано или поздно что-нибудь, да случается, хорошее или плохое, новое или старое, или хорошо забытое. А если хорошенько подумать, то потом окажется, что всё, что не делается – к лучшему и хоть для чего-нибудь, но хорошо: или жизненного опыта поприбавится, или хотя бы рассказ интересный напишется. И вот как это было.

Уставшая за день Хромоножка, переваливаясь с ноги на ногу, плелась от полотенца к полотенцу по полупустому пляжу в поисках крошек (из мусорных ящиков она никогда ничего не ела!). Уже темнело, и она решила отправиться в свою каменную пещерку, выбранную так удачно, что ночной прибой никогда не затоплял её. Она уже предвкушала ощущение ночного покоя, безветрия

и уюта, как вдруг обнаружила у себя в пещерке чужака. Она вежливо попросила его удалиться, на что он жестами и гримасами изобразил мольбу не выдавать его. «Ну и ладно», - подумала Хромоножка, привыкшая уступать. - «Камней здесь полно. До заката солнца найду себе ещё какую-нибудь ночлежку, а может, и этот тип и сам по себе испарится.» Но не тут-то было. Этот тип не только не собирался испаряться, но, устроившись поудобнее, заявил развязно, что места в пещерке хватит и на двоих. Хромоножка, смущаясь и прихрамывая, заковыляла в собственную квартирку, уже догадываясь, что в её жизни начинается что-то новое: её не гонят, а зовут! Но это ещё не всё! Тип хотел разговаривать!

Этот странный птах был никто иной, как красавчик Педро (назовём его так, потому что другое испанское имя мне что-то не не приходит в голову), очаровательный белый голубок, сбежавший из Лоропарка, что он Хромоножке уже через несколько минут и поведал. Он был артистом, знал, конечно, и других экзальтированных птичек, о которых рассказал хозяйке забавные истории, наслаждаясь при этом собой и своими байками. Но и в его жизни была рутина и хандра от пресыщенности и достатка. Не важно, к какому роду и племени ты принадлежишь - всюду одно и то же. Когда желаемое становится достигнутым, оно превращается в нечто само собой разумеющееся и уже не прельщает. Вот и

Педро решил вырваться через сеть над павильоном на свободу – и это во время представления! – вместо того, чтобы демонстрировать свои трюки: летать по кругу, бегать по лестничке вверх и вниз и ездить на велосипеде.

«Меня уже, конечно, ищут повсюду. Шоу без меня провалится», – заметил как-будто между прочим маленький мачо и, утомлённый, наконец уснул.

А маленькой серой голубке не спалось. Ей хотелось, чтобы эта ночь не кончалась, хотелось сидеть с ним рядом и чувствовать тепло его тельца, слышать его торопливое дыхание и клокотание в горле и ни о чём не думать. Просто быть. О боже! Моя маленькая Хромоножка влюбилась! Из проснувшихся наконец инстинктов родилась новая надежда, хотя жизненный опыт всё-таки безжалостно вмешивался в её мысли (совсем не думать – всё-таки не получалось) и умничал: «Это только иллюзия! Всё это плохо кончится! Он же настоящий мачо и хвастливый болтун!» А другая, влюблённая половина её сущности отвечала: «Ну и что. Хоть одну ночь жить, а не мечтать. Это ли не счастье!» И была права. Ведь по-настоящему счастливы не те, кто уже не о чём не мечтает, а те, кто считают, что для достижения счастья необходимо не только мечтать, но и действовать. И если эти действия приносят успех, они счастливы вдвойне. В слове счастье произошла подмена понятий: правильнее было бы говорить о целесообразности. Но, каюсь-каюсь, такие

рассуждения недопустимы в сказке о двух влюблённых голубках, и потому быстро меняю тему. Что там ещё этой ночью с моими героями произошло, мы тоже тактично пропустим. И такого рода подробности здесь стилистически неуместны.

На следующее утро, когда голубки ещё спали, их, тесно пржавшихся друг к другу, обнаружили и заловили сетью. «Ага! Да ты у меня в героилубовники подался!» - сказал чей-то насмешливый голос. – «Да-а, красавицей твою избранницу не назовёшь. Ну, так и быть, возьмём её с собой. Может, у неё внутренние ценности обнаружатся». Это был дрессировщик из Лоропарка, который в силу своего преклонного возраста знал, что красота недолговечна, а вот талант среди пернатых всех сортов встречается нечасто. «Да она ещё и хромоножка! Ах, бедняжка!» - прибавил он, вынимая её из сети. «Ну, ничего, посмотрим. Может, придумаем для тебя номер о настоящей любви».

Вот так и стала Хромоножка артисткой птичьего цирка на Генерифе. Конечно, не сразу, а по просшествию времени, после кропотливой совместной работы человека и птицы, построенной на доверии. Но самое главное то, что Хромоножка научилась летать! Старый дрессировщик проявил с ней большое терпение, ведь он любил своих артистов и знал, что самое прекрасное для птицы – это полёт, и своего добился. Начав с азов, маленькая артистка цирка вскоре уже летала с

другими голубями по кругу, а позже получила свою собственную роль в спектакле: она притворялась мёртвой и оживала от поцелуя своего принца Педро. Вдвоём они совершали свадебный полёт под куполом, она – с крошечным венчиком из тюли на головке, а он – с бабочкой на шейке.

Прошло много лет. Старый дрессировщик умер, а его приемник не захотел оставлять у себя в цирке мою маленькую артистку. Наверное, он не был романтиком и не верил в любовь красивого белого голубя и маленькой и невзрачной Хромоножки. Он просто выпустил её из клетки на волю, но она прилетала снова и снова, туда, где жила её большая любовь, где её птенцы, оперившись, становились звёздами аттракциона и где она когда-то научилась летать. Часами сидела она высоко на жёрдочке над птичьим вальером, как будто никуда и не улетала. Прозрачная сеть под ней её абсолютно не раздражала, так как через неё всё было видно и слышно.

Маленькая Хромоножка живёт и по сей день на Тенерифе, а иногда она ищет знакомство с двуногими, хоть и понимает, что не всем им можно доверять. Так вот и ковыляет она от полотенца к полотенцу по знаменитому Чёрному пляжу. Когда я последний раз проводила там отпуск, мы с ней и познакомились, и я кормила её из руки. Мне кажется, она была вполне счастлива.

Наверное, вы надеетесь услышать от меня, а в чём

же мораль? А её нет. Всё в этой жизни случается как случается, и никакая мудрая птица, и никакой психоаналитик не могут порой ничего предугадать или изменить.